

Научная статья
УДК 338.2
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63

СУЩНОСТНАЯ ПРИРОДА И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕОРИИ ВРЕДА В АНТИМОНОПОЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Елена Валентиновна Алексеева¹, Станислав Григорьевич Биденко²,
Александр Иванович Коваленко³, Анна Юрьевна Погорелова⁴✉

^{1,2,3,4}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹eturchaninova@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3638>

²modern-rivalry@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3663-8657>

³alkovalenko@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3131-6107>

⁴apogorelova@synergy.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8364-8395>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена усложнением механизмов рыночной конкуренции и трансформацией антимонопольного регулирования в условиях цифровой экономики. Современные вызовы цифровой экономики, изменение моделей поведения участников рынка и усложнение форм монополизации требуют уточнения методологических основ квалификации антиконкурентных действий. Современное правоприменение антимонопольного законодательства требует более точной и структурированной методологии оценки антиконкурентного поведения. Возникает необходимость уточнения теоретико-методологической природы теории вреда в антимонопольном регулировании. Цель настоящей работы — системная концептуализация теории вреда в антимонопольном регулировании. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий правовой анализ, экономическую теорию и компаративные методы. Методология включает формально-логический анализ и системный анализ. Выявлены и раскрыты ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании: двойственный экономико-правовой характер, прецедентный и общеуниверсальный аспекты, множественность типов и форм вреда, методологическая гибкость, сложная структура — состав компонентов обусловлен задачами регулирования, типом поведения, институциональным статусом производителя теории вреда в антимонопольном регулировании, экономической и отраслевой спецификой. Установлено, что теория вреда представляет собой методологический, концептуально-прикладной механизм, выполняющий роль связующего звена между правовой нормой и фактической ситуацией. Она сочетает в себе правовую определенность и экономическую проверяемость (верификацию). Концепт «вреда» в антимонопольном регулировании приобретает разные формы в приложении к множеству предметов, разделяясь на отдельные типы, включая как фактический, так и потенциальный вред гипотетического характера. Выводы исследования позволяют рассматривать теорию вреда не только как аналитический инструмент доказательства, но и как нормативный ориентир для разработки правовых стандартов антимонопольной политики.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование экономики, теория вреда, конкурентное поведение, экономический анализ, прецедентное регулирование, общественное благосостояние, рыночная власть

Для цитирования: Алексеева Е. В., Биденко С. Г., Коваленко А. И., Погорелова А. Ю. Сущностная природа и ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 53–63. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63>.

Research article

ESSENTIALS AND PROPERTIES OF THE THEORY OF HARM IN ANTIMONOPOLY REGULATION

Elena V. Alekseeva¹, Stanislav G. Bidenko², Alexander I. Kovalenko³, Anna Yu. Pogorelova⁴✉

^{1,2,3,4}Synergy University, Moscow, Russia

¹eturchaninova@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3638>

²modern-rivalry@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3663-8657>

³alkovalenko@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3131-6107>

⁴apogorelova@synergy.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8364-8395>

Abstract. The relevance of the study is due to the complication of market competition mechanisms and the transformation of antimonopoly regulation in a digital economy. Modern challenges of the digital economy, the change in the behavior of market participants and the complication of forms of monopolization require the clarification of the methodological foundations of the qualification of anti-competitive actions. Modern law enforcement of antimonopoly legislation requires a more accurate and structured methodology for assessing anti-competitive behavior. There is a need to clarify the theoretical and methodological nature of the theory of harm in antimonopoly regulation. The purpose of this work is the systemic conceptualization of the theory of harm in antimonopoly regulation. The study is based on an interdisciplinary approach that combines legal analysis, economic theory and comparative methods. The methodology includes formal-logical analysis and system analysis. The key characteristics of the theory of harm in the antimonopoly regulation were revealed and disclosed: dual economic and legal nature, precedent and general universal aspects, the multiplicity of types and forms of harm, methodological flexibility, complex structure — the composition of the components is determined by the tasks of regulation, the type of behavior, the institutional status of the producer of harm theory in antimonopoly regulation, economic and industry specifics. It has been established that the theory of harm is a methodological, conceptual-applied mechanism that acts as a link between the legal norm and the actual situation. It combines legal certainty and economic verifiability. The concept of "harm" in antimonopoly regulation covers many objects and types, and includes both actual and potential harm of a hypothetical nature. The conclusions of the study allow us to consider the theory of harm not only as an analytical tool of evidence, but also as a normative landmark for the development of legal standards of antimonopoly policy.

Keywords: antimonopoly regulation of the economy, harm theory, competitive behavior, economic analysis, precedent regulation, public welfare, market power

For citation: Alekseeva E. V., Bidenko S. G., Kovalenko A. I., Pogorelova A. Yu. Essentials and properties of the theory of harm in antimonopoly regulation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):53–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63>.

Введение

В условиях институциональной трансформации рыночной экономики и усиления цифровизации возрастает значимость эффективного антимонопольного регулирования. Антимонопольное регулирование в XXI веке сталкивается с необходимостью не только выявления и пресечения антиконкурентного поведения, но и методологической обеспеченности принимаемых регуляторами решений [1]. Проблематика вреда, причиняемого конкуренции и общественному благосостоянию, выходит на первый план в правоприменительной практике антимонопольных ведомств, и требует строгой правовой и экономической аргументации.

Одним из центральных понятий современного антимонопольного регулирования выступает теория вреда (англ. *theory of harm*) — концептуальная конструкция, объясняющая причинно-следственную связь между поведением экономического субъекта и негативными последствиями для рыночной конкуренции. Сегодня в дискуссиях о проблематике антимонопольного регулирования понятие «теория вре-

да» является одной из самых популярных и часто используемых категорий. Как будет показано ниже, мода на использование термина «теория вреда» возникла внезапно и неожиданно примерно в середине 2000-х годов.

Практика использования концепции теории вреда в антимонопольном регулировании сформировалась в рамках прецедентного права, через корпус административных и судебных решений, по отдельным, конкретным случаям, со слабой теоретической осмысленностью. Поэтому практика антимонопольного регулирования уже знает несколько теорий вреда, но при этом теории конкурентного права, отраслевых рынков, государственного регулирования не предлагают хоть сколько-нибудь универсального, обобщенного понимания сущности, роли и структуры теории вреда в антимонопольном регулировании.

Концепция «теории вреда» является самостоятельным предметом исследований в теориях этики (моральной философии), права, и политических взглядах утилитаристов.

При проведении обзора научной литературы для выявления особенностей возникновения и истории развития концепции «теория вреда» в контексте антимонопольного регулирования возникла необходимость четкого различения трех отдельных ситуаций:

1) использование разных терминов и концепций в смысле и значении «теории вреда», но без фактического употребления этого словосочетания;

2) фактическое употребление словосочетания «теория вреда» без подразумевания особого (современного) концептуального значения «теории вреда»;

3) фактическое употребление словосочетания «теория вреда» в современном концептуальном значении этого понятия.

В первой (очень частой) ситуации вместо выразительного словосочетания «теория вреда» используются другие словосочетания: теория ущерба конкуренции, урон конкуренции, механизм вреда, гипотеза вреда, антиконкурентные эффекты, правило разумности. Например, после решения Верховного суда США по делу *Brunswick Corp.* против *Pueblo Bowl-O-Mat, Inc.*, использующего понятие «антимонопольного ущерба», В. Пейдж в 1979 году описал тео-

рию применения доктрины антимонопольного ущерба [2].

Далее было выявлено различие между «теорией вреда» как спонтанно составленным сочетанием слов, использованным для выразительности, и «теорией вреда» как ключевой концепции, выраженной в устоявшемся термине. В одном случае, «теория вреда» применяется в тексте почти случайно и разово (1–2 раза), в ином сочетании (теория конкурентного вреда, теория вреда конкуренции), в ряду общих синонимов: теория ущерба, принцип вреда, гипотеза вреда, антиконкурентный эффект. Во втором случае, «теория вреда» используется в тексте как ключевое понятие — постоянно и неизменно.

Так, например, одним из самых ранних примеров использования «теории вреда» в контексте антимонопольного регулирования является классическая работа Роберта Борка [3]. Очевидно, для Р. Борка нет разницы между теорией вреда (англ. *harm theory*) [3, с. 381] и теорией ущерба (англ. *damage theory*) [3, с. 246]. Оба термина являются для него не устоявшимися и взаимозаменяемыми в творческом процессе формулирования и письма. Следовательно, устойчивого термина для Р. Борка не существует. Однако формально этот случай является одним из самых ранних буквальных использовании словосочетания «теория вреда» в контексте американского антимонопольного регулирования.

В антимонопольные отношения «теория вреда» пришла без своего собственного оригинального значения и содержания. Этот термин пришел на смену ранее используемых правовых и экономических концепций, и сделал это путем присвоения содержания и объема предшествующих понятий. Поэтому принято говорить о ретроспективном характере развития теории вреда.

В 2003 году в работе С. Волкер говорит о том, как в европейском контроле экономической концентрации оценивается «рычаг давление», используя теорию конкурентного вреда термин используется как устойчивое, ключевое понятие, а не разовое выражение [4]. Это первая известная нам научная работа, в которой наблюдается ситуация третьего типа — современное значение «теории вреда».

В Европейском Союзе «теория вреда» понимается как логическое продолжение и последняя стадия развития «ориентированного на эффекты подхода» к определению антиконкурентного поведения. Так, К. Ян подчеркивает, что концепция конкурентного вреда больше соответствует принципам «основанного на эффектах подхода», который направлен на установление — а не на предположение — фактического или потенциального вреда. Это соответствие основано на предпосылке, что экономические теории являются основой концепции конкурентного вреда [5]. К. Ян называет теорию вреда описывающим вред нарративом и мостом между законом и фактом [5]. Однако, природа теорий вреда остается не раскрытой.

Х. Зенгер и М. Уокер отмечают, что хорошо разработанная теория вреда обладает следующими характеристиками:

- она должна четко описывать, как будет причинен вред конкуренции и, в конечном итоге, потребителям, по сравнению с соответствующим образом определенным контрфактическим сценарием;
- она должна быть внутренне логически непротиворечивой;
- она должна соответствовать стимулам, с которыми сталкиваются различные стороны;
- она должна соответствовать (или, по крайней мере, не противоречить) имеющимся эмпирическим данным [6, с. 1]. Такие нормативные требования не отражают отличительных и сущностных свойств теории вреда.

Анализируя массив научных работ о теории вреда в антимонопольном регулировании, можно сделать вывод, что все они посвящены отдельным формам поведения, кейсам, решениям антимонопольных ведомств и судов, то есть отдельным видам антиконкурентных эффектов, формам вреда и релевантным типам теорий вреда. В настоящее время большинство таких работ посвящены теориям вреда от сделок экономической концентрации (горизонтальных, вертикальных и конгломератных слияний/поглощений) [7], поэтому теории вреда слияний называются «классическими», и считаются наиболее хорошо разработанными. Отдельная группа работ посвящена теориям вреда от одностороннего злоупотребляю-

щего поведения, имеющего исключаящий или эксплуатационный характер [8]. В последние годы появились работы по поводу «новых» теорий вреда: инновационная теория вреда [9], экосистемная теория вреда [10], теория вреда с персональными данными [11] и другие.

Но эти и многие другие научные работы либо обходят стороной вопрос об определении и сущности теории вреда, либо специально используют для определения теории вреда не строгую терминологию, а образные выражения. Поэтому неполная концептуализация самого понятия «теория вреда» является главным исследовательским пробелом. Этот теоретический пробел существует именно потому, что теория вреда имеет прецедентную природу и для каждого конкретного разбирательства ведомственным или судебным решением создается отдельная и особенная теория вреда.

Научная проблема заключается в отсутствии единой концептуализации теории вреда как правового стандарта и экономического инструмента. Ключевой исследовательский вопрос данной работы: Какова природа теории вреда в антимонопольном регулировании?

Несмотря на рост академического интереса и активное использование теорий вреда в зарубежной практике антимонопольного регулирования экономических отношений, до сих пор сохраняются пробелы в части четкого определения природы теории вреда, систематизации ее компонентов и методологических параметров.

Цель исследования — раскрытие сущностной природы теории вреда в антимонопольном регулировании, выявление ее свойств и характеристик. Гипотеза заключается в том, что теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой не экономическую теорию, а правовую методологию, обеспечивающую воспроизводимый и объективный механизм анализа конкурентных нарушений.

Объект исследования — правоприменительная практика антимонопольных и судебных органов, связанная с формированием и обоснованием решений по делам о нарушении антимонопольного законодательства. Предмет исследования — сущностная природа и ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании.

Теория и методы

Настоящее исследование представляет собой теоретический анализ концептуальных основ теории вреда в антимонопольном регулировании, основанный на междисциплинарном подходе, интегрирующем правовые и экономические методы исследования.

Для интерпретации правовых норм и сопоставления их с теорией вреда при-

менялся формально-логический анализ текстов.

Системный подход применялся для описания связей между правовыми нормами, экономическими теориями и практическими кейсами, выявления компонентов теории с интеграцией их в единую системную конструкцию.

Результаты

Момент возникновения

Источниками теоретических и методологических подходов к антимонопольному регулированию являются законодательные акты, подзаконные акты антимонопольных ведомств, судебные решения, а также научные статьи по теории экономики и права. Если пытаться проследить историю развития антимонопольного регулирования, возникает вопрос: как можно установить, в какой именно момент та или иная теория (методика) стала использоваться в антимонопольном регулировании? В этом вопросе расходятся формальный (лого-правовой) и академический (теоретико-методологический) подходы.

Любая антимонопольная теория (методика), как правило, сначала получает формализованное выражение: она впервые упоминается в конкретном источнике права (например, для США — в судебном решении, для Европы — в законе или подзаконном акте). Однако формализованное закрепление теоретико-методологической концепции еще не означает начала ее применения в антимонопольном регулировании, поскольку на этом этапе она не применяется повсеместно и не является конвенциональным, общепринятым инструментом. С точки зрения формального подхода, речь идет об исторически первом источнике и конкретном «первом» моменте возникновения. Вместе с тем первоначально сформированная концепция может представлять собой лишь «голую» идею — единичную мысль, трактуемую по-разному различными органами, ведомствами и учеными, не имеющую еще единого смыслового содержания и универсальной структуры.

Понятие теории вреда

в антимонопольном регулировании

Теория (причинения) вреда в антимонопольном регулировании — это создаваемое в каждом отдельном антимонопольном деле концептуальное понимание и обоснование того, каким образом рассматриваемое поведение фирмы снижает конкуренцию и наносит вред общественному благосостоянию. Теория вреда используется для описания, объяснения и доказательства вредоносности (антиконкурентности) рассматриваемого поведения. В любом антимонопольном деле теория вреда предполагает конкретную модель причинения вреда или их комбинацию, что является центральным элементом антимонопольного дела.

Теория вреда, опираясь на правовые нормы и экономические теории, подразумевает определенный подход к анализу и сбору доказательств, изучению конкретных обстоятельств и фактов, и предлагает последовательный нарратив, логично связывающий поведение с общественным вредом.

В настоящее время без убедительной теории вреда антимонопольный орган не сможет провести адекватное, правомерное расследование, и вынести обоснованное решение. Теория вреда позволяет определить не только вредность и противоправность спорного поведения субъекта, но и необходимость / необязательность императивного вмешательства, и стандарт доказательства, а также адекватную (проконкурентную) меру принуждения.

Типы вреда

Сам термин «теория вреда» подразумевает, что одни или несколько субъектов могут своим поведением вредить конкуренции на конкрет-

ном товарном рынке. Уже на этапе определения объекта вреда возникают альтернативные версии.

Так распространена идея, что интенсивная рыночная конкуренция — это не самоцель, а лишь средство обеспечения общественного благосостояния. Следовательно, запрещенным признается поведение, которым вред причиняется не конкуренции, а общественному экономическому благосостоянию (понимаемому как сумма выгод/полезностей/излишков всех субъектов общественно-экономической системы, в частности излишков потребителей и излишков производителей. При этом общественное благосостояние и конкуренция — не тождественные категории, и в отдельных ситуациях, когда они противостоят друг другу, приоритет отдается благосостоянию, а не конкуренции.

Смежной версией является идея о запрете поведения, которое вредит не конкуренции, а экономической эффективности. Вернее, будет так: снижение / ограничение / смягчение конкуренции приводит к росту рыночной власти фирмы, что изменяет его экономические, хозяйственные, отраслевые стимулы и само его поведение. Избавившись от конкурентного напряжения, фирма перестает фокусироваться на эффективности и продуктивности. Вред общественному благосостоянию причиняется поведением доминатора / монополиста, порождающим неэффективность в распределении ресурсов, управлении затратами и инновационном процессе. Так различают неэффективность аллокативную, производственную и динамическую.

Вред может быть причинен конкуренту, контрагенту, потребителю, их группам, всем членам общества. Вред может заключаться в ограничении свободы действий, создании конкурентных недостатков, то есть условий, ставящих отдельных участников рынка в невыгодное положение.

Конкурентные отношения рыночного или отраслевого соперничества часто характеризуются взаимным влиянием (и адресностью) действий конкурентов друг на друга. Успешное конкурентное поведение одного субъекта, увеличивающее его долю продаж на (стагнирующем) рынке, автоматически означает

относительное уменьшение доли конкурента. Возникает конкурентная игра с нулевой суммой — каждый новый покупатель является клиентом, ушедшим от конкурента. Сама принципиальная противоположность экономических интересов конкурентов, вытекающая из взаимозаменяемости конкурентных товаров, является источником взаимосвязи выигрышей одних субъектов с проигрышами других субъектов.

Таким образом, даже добросовестное и успешное ведение бизнеса одним субъектом приводит к неблагоприятным последствиям (упущенной выгоде) для его конкурентов. Однако такое причинение вреда нельзя признать противоправным, незаконным, снижающим конкуренцию и уменьшающим общественное благосостояние. В той мере, в которой конкурентные ресурсы лидера мобильны, а конкурентные преимущества лидера могут быть перехвачены, успешные добропорядочные предпринимательские практики, приводящие к отраслевому и рыночному лидерству, впоследствии могут быть скопированы конкурентами. Это приводит к общему отраслевому развитию и рыночному росту — повышению разнообразия, качества и объема предложения. Примером может служить отраслевая «диффузия» инноваций — беспрепятственное распространение и принятие инноваций (маркетинговых, продуктовых) отраслевыми конкурентами.

Открытым остается вопрос о том, что является большей причиной бедственного положения аутсайера на рынке: успешность конкурентов или собственная неэффективность управления. Однако нельзя отрицать того факта, что конкурентные действия бизнеса воздействуют на конкурентов, даже если они адресованы поставщикам или покупателям.

Эта конкурентная специфика предпринимательских отношений обостряет проблематику выявления причинения поведением фирмы относительного вреда субъектам конкурентного окружения.

Чтобы отличать добросовестное доминирование от злонамеренного, важно оценить вред процессу конкуренции, выражающийся в снижении конкурентного давления, структурных изменениях рынка. Когда с рынка уходит

неэффективный конкурент (аутсайдер), конкуренция между остальными субъектами не снижается. Наоборот, в таком случае принято говорить об очищении рынка и снижении производственной и динамической неэффективности. Поэтому для выявления антиконкурентного вреда фокусируют внимание на свободе действий и конкурентном состоянии эффективных участников рынка.

В отличие от форм недобросовестной конкуренции (например, дискредитации конкурента) и иного деликта причинения вреда (например, порчи имущества), где действия одного субъекта адресно причиняют вред другому субъекту, монополистическая деятельность — это поведение субъекта, которое снижает конкуренцию на рынке, что приводит к снижению общественного благосостояния (часто понимаемого как благосостояние потребителя). При этом снижение конкуренции может произойти как вторичный (косвенный) эффект, то есть не как прямой результат, а как опосредованное последствие от прямого результата. Строго говоря, недобросовестная конкуренция, осуществленная доминирующим субъектом или коллективно, тоже может приводить к искажению рыночного механизма и ограничению конкуренции, хотя целеполагание у недобросовестной конкуренции заключается в снижении интенсивности конкуренции для себя, а не на всем рынке.

Любой актив, обеспечивающий конкурентное преимущество, может использоваться фирмой-злоумышленником как «рычаг» для монополизации отдельного рынка. Более того, свое доминирующее положение на одном рынке субъект может использовать как «рычаг» для монополизации предстоящего и последующего рынков.

Для того, чтобы прочертить причинно-следственную связь между поведением субъекта через изменение конкуренции на рынке к снижению общественного благосостояния антимонопольные ведомства и суды конструируют конкретную теорию вреда.

Прецедентный аспект

Важно отличать теорию вреда (в антимонопольном регулировании) от правовой и экономической теорий, и понимать, что сама концепция «теории вреда в антимонопольном ре-

гулировании» относится не к раннему теоретическому, а к позднему методологическому аппарату антимонопольного регулирования, и имеет строго прецедентную природу. Антимонопольные ведомства и суды, осуществляя антимонопольное регулирование, не просто применяют ту или иную экономическую или юридическую теорию в антимонопольном деле. Они, используя разные «компоненты», конструируют (производят) конкретную теорию вреда именно для отдельного частного случая спорного поведения.

Другими словами, теория вреда всегда касается конкретного антимонопольного кейса, в рамках которого суд или антимонопольное ведомство (или частный истец) ее создали (произвели). Так, ведомство или суд производят отдельную теорию вреда для конкретного кейса поведения, используя экономическую и правовую теории, указывающие на признаки и эффекты, искомые при сборе и обработке информации.

Несмотря на прецедентный характер теории вреда, одна и та же модель теории вреда может быть использована в разных кейсах. Более того прецедентное право подлежит анализу, в рамках которого возможно провести обобщение теорий вреда. Так, появляются история развития теории вреда, ее структура, совокупность требований к теории вреда, группировка и типология всех теорий вреда.

Теории вреда производятся и антимонопольными ведомствами, и судами, и законодательными органами, и учеными в доктринах, и даже частными лицами в гражданском судопроизводстве возмещения вреда. Поэтому теории вреда в антимонопольном регулировании могут содержаться в форме международных договоров и протоколов, законов, приказов, регламентов, директив, решений, руководств, рекомендаций, отчетов, статей, мнений, уведомлений, речей, и других формах.

Теории вреда производятся и в превентивном контроле экономической концентрации (рассмотрении планируемых сделок концентрации и их прогнозируемых последствий), и в делах о недобросовестной конкуренции, и в делах о монополизации рынков.

Между правом и экономикой

С точки зрения методологии правового обеспечения и правоприменения, теорию вреда также можно понимать как правовой стандарт антимонопольного регулирования. При этом современное развитие антимонопольного регулирования предполагает использование экономической теории и методологии экономического анализа как базиса теории вреда.

Экономика используется для установления фактов из различных обстоятельств дела, или их предположения. Чтобы установить соответствующие факты, необходимо собрать и обработать информацию. Процесс сбора и анализа доказательственной информации может быть дорогостоящим, а результат — не полным, ограниченным. Поэтому регулятор в определенный момент может отказаться от дальнейшего сбора информации и начать устанавливать факты на основании анализа уже имеющейся информации, а также использовать презумпцию (предположение) факта.

Принципы и нормы конкурентного права квалифицируют антиконкурентное поведение в определенные типы запрещенных практик и используются для оценки, учета, интерпретации установленных фактов, определения того, какое правовое значение имеет каждый установленный факт, какие правовые категории следует применять в деле.

Поэтому сегодня теория вреда в антимонопольном регулировании имеет двойственную природу: правовой стандарт и экономическая теория.

В контексте двойственности рассматривают требования к теории вреда или характеристики надлежащей теории вреда.

С точки зрения экономики, теория вреда должна опираться на эмпирику, учитывать экономический контекст спорного поведения, то есть теория вреда в антимонопольном регулировании должна:

- в своем основании использовать экономическую теорию (или несколько теорий);
- четко формулировать, как причиняется вред конкуренции и, в конечном счете, потребителям относительно надлежащим образом

определенного контрфактуального состояния;

- быть внутренне логически последовательной;
- соответствовать стимулам, с которыми сталкиваются различные стороны;
- соответствовать (или, по крайней мере, не противоречить) имеющимся эмпирическим данным;
- указывать на конкретные экономические эффекты, которые следует искать в объективной действительности.

Здесь у юристов могут возникнуть очевидные проблемы с простотой применения, предсказуемостью результатов, правовой определенностью. Теория вреда предоставляет методологическую основу для анализа, без фиксированного шаблона, так что она не диктует результат анализа, во многом зависящий от обстоятельств конкретного дела.

Конструируемая в антимонопольном разбирательстве теория вреда зависит от спорного поведения, относимого к определенному типу антиконкурентной практики и имеющихся в отношении этого поведения данных, формирующих фактический сценарий причинения вреда (тип вреда, механизм причинения вреда). Определенный тип антиконкурентной практики может воплощать один или несколько механизмов причинения одного или нескольких типов конкурентного вреда. Даже если две отдельные антиконкурентные практики причиняют один тип вреда, они причиняют его разными механизмами.

Теория вреда, специфичная для конкретного случая поведения, может меняться по мере развития экономических представлений и смещения аналитического фокуса или перспективы, так как экономическое мышление является неотъемлемым компонентом теории вреда. Здесь императив согласованности и определенности теории вреда понимается в смысле ее верифицируемости, воспроизводимости. В этом смысле теория вреда (по крайней мере, та ее часть, которая касается связи поведения и вреда) должна давать всем заинтересованным сторонам возможность многократно и объективно ее подтвердить.

Обсуждение

Концептуализация теории вреда в антимонопольном регулировании выразилась в том, что теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой методологию применения в антимонопольном разрешении конкретного спорного случая объяснительной теории с концептуальным пониманием и обоснованием того, каким образом рассматриваемое поведение фирмы снижает конкуренцию и наносит вред общественному благосостоянию, то есть логически связывающей действия субъекта с негативными последствиями для конкуренции и общественного блага. Выявлено, что концепция теории вреда в антимонопольном регулировании относится к позднему методологическому аппарату антимонопольного регулирования и отличается от общих правовых и экономических теорий своей специфичностью и практической направленностью.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о правовой и методологической природе теории вреда в антимонопольном регулировании и раскрывают центральную роль теории вреда как методологического аналитического инструмента современного антимонопольного регулирования. В отличие от формальной квалификации поведения по правовым признакам теория вреда в антимонопольном регулировании позволяет оценить сущностные последствия для рыночной структуры и общественного благосостояния.

Анализ исторического развития концепции теории вреда в антимонопольном регулировании выявил два методологических подхода к определению момента ее возникновения. Формальный подход определяет момент возникновения теории вреда в антимонопольном регулировании как момент первого упоминания в источнике права (судебном решении или нормативном акте) «вреда» в контексте конкуренции и экономической власти. В то время как академический подход связывает возникновение теории вреда в антимонопольном регулировании с фазой ее зрелости, когда концепция приобретает собственное особое конвенциональное смысловое содержание, структурное наполнение и институциональное закрепление.

Проведенное исследование позволило выделить следующие важные характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании: двойственный экономико-правовой характер; прецедентный и общеуниверсальный аспекты; множественность типов и форм вреда; методологическая гибкость; сложная структура — состав компонентов обусловлен задачами регулирования, типом поведения, институциональным статусом производителя теории вреда в антимонопольном регулировании, экономической и отраслевой спецификой.

Теория вреда в антимонопольном регулировании обладает одновременно прецедентной спецификой и общей универсальностью. При этом обобщающие обзоры правоприменительной практики, законы и подзаконные акты (например, руководства) являются источниками обязанностей органов власти по применению в конкретных кейсах тех или иных компонентов теории вреда в антимонопольном регулировании. Как показывает анализ, одна и та же теория вреда может применяться в различных кейсах, но всегда адаптируется к конкретным обстоятельствам.

Теории вреда в антимонопольном регулировании обосновывают разные типы и формы вреда. Вред может быть прямым или косвенным, фактическим или потенциальным (гипотетическим), что особенно важно в делах *ex ante* контроля (например, слияний и поглощений). Вред может причиняться отдельным субъектам (потребителям, конкурентам, партнерам), группе экономических субъектов и обществу в целом. Объектом вреда может выступать не только конкуренция и благосостояние потребителей, но и иные аспекты общественного благосостояния (снижение предпринимательской, инновационной и инвестиционной активности, снижение приватности с злоупотреблением возможностью собирать и использовать персональные данные, ограничение свободы слова, экологические нарушения, социальные и политические злоупотребления концентрацией власти).

Выявленная прецедентная природа теории вреда согласуется с наблюдениями исследователей о казуистическом характере антимоно-

польного права и необходимости индивидуального подхода к анализу каждого случая антиконкурентного поведения. Теория вреда в антимонопольном регулировании формируется в рамках конкретного кейса и адаптируется к различным юрисдикциям. Универсальность теории вреда в антимонопольном регулировании как аналитической категории подтверждает демонстрируемая юрисдикциями разных правовых школ опора на схожие логико-правовые конструкции.

Сложности возникают при правовой квалификации потенциального вреда, особенно

в условиях ограниченного объема эмпирических данных. Тем не менее теория вреда обеспечивает устойчивый каркас для анализа и прогноза конкурентных последствий.

Теоретическая значимость результатов состоит в развитии концептуального понимания теории вреда в антимонопольном регулировании как междисциплинарного феномена, объединяющего правовые и экономические подходы. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования методологии антимонопольного регулирования.

Заключение

Настоящее исследование позволило обосновать методологическую и правовую природу теории вреда в антимонопольном регулировании, уточнить ее структуру и требования к применимости, описать ее ключевые характеристики и свойства.

Теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой правоприменительный методологический конструкт нового поколения, обеспечивающий концептуальную связь между поведением хозяйствующих субъектов и потенциальным ущербом для конкуренции и общественного благосостояния и таким образом объединяющий доктринальные и эмпирические основания для квалификации рыночного поведения. Ее прецедентная природа и индивидуальное конструирование для каждого дела отражают специфику антимонопольного регулирования.

Двойственный характер теории вреда в антимонопольном регулировании демонстрирует эволюцию антимонопольного права от фор-

мально-правового к экономически обоснованному подходу, что требует от правоприменителей не только юридической квалификации, но и понимания экономических механизмов функционирования рынков.

Выявленное разнообразие подходов к определению объекта вреда отражает различные философские основы антимонопольной политики и подчеркивает необходимость осознанного выбора концептуальной основы при формировании теории вреда в антимонопольном регулировании конкретного дела.

Полученные результаты открывают направления для дальнейших исследований, включая эмпирический анализ эффективности различных типов теорий вреда в антимонопольном регулировании, изучение особенностей их применения в цифровой экономике, а также сравнительный анализ подходов к теории вреда в антимонопольном регулировании в различных юрисдикциях.

Список источников

1. Коваленко А. И. Технологические гиганты на цифровых рынках — результат провала регулятора // Современная конкуренция. 2020. Т. 14. № 4 (80). С. 5–24. DOI 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
2. Page W. H. Antitrust damages and economic efficiency: an approach to antitrust injury // The University of Chicago. Law Review. 1979. Т. 47. С. 467–504.
3. Bork R. H. The Antitrust Paradox: A policy at war with itself. New York : Free Press, 1978. 462 p.
4. Völcker S. B. Leveraging as a theory of competitive harm in EU merger control // Common Market Law Review. 2003. Vol. 40, No. 3. С. 581–614.
5. Yan X. Competition law in china and the eu: institutional dynamics and theories of harm. Taylor & Francis, 2024. 236 p.
6. Zenger H., Walker M. Theories of harm in european competition law: a progress report // Ten Years of Effects-Based Approach in EU Competition Law. Bruylant, 2012. P. 185–209.

7. Duso T., Bernhardt L., Piechucka J. The evolution of theories of harm in eu merger control // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40, No. 4. P. 729–762. DOI: 10.1093/oxrep/graе045.
8. Jakab M. Use of theories of harm in the application of article 102 TFEU. Prague : Charles University, 2019. 79 p.
9. Denicolò V., Polo M. The innovation theory of harm: an appraisal // Antitrust Law Journal. 2019. Vol. 82, No. 3. P. 921–954. DOI: 10.2139/ssrn.3146731.
10. Rininger B. The Ecosystem theory of harm in merger enforcement: a transatlantic comparison // University of Cincinnati Law Review. 2025. Vol. 93, No. 3. P. 830–866.
11. Abate S. Antitrust and consumer enforcement in data markets—are new theories of harm based on privacy degradation hitting the mark? // 29th European Regional Conference of the International Telecommunications Society (ITS): “Towards a Digital Future: Turning Technology into Markets?”, Trento, Italy, 1st–4th August, 2018. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/184924>.

References

1. Kovalenko A. I. Technological giants in digital markets are the result of regulatory failure. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*. 2020;14(4(80)):5–24 (in Russ.). DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
2. Page W. H. Antitrust damages and economic efficiency: an approach to antitrust injury. *The University of Chicago. Law Review*. 1979;47:467–504.
3. Bork R. H. *The Antitrust Paradox: A policy at War with Itself*. New York: Free Press; 1978. 462 p.
4. Völcker S. B. Leveraging as a theory of competitive harm in EU merger control. *Common Market Law Review*. 2003;40(3):581–614.
5. Yan X. *Competition law in China and the EU: institutional dynamics and theories of harm*. Taylor & Francis; 2024. 236 p.
6. Zenger H., Walker M. Theories of harm in european competition law: a progress report. *Ten Years of Effects-Based Approach in EU Competition Law*. Bruylant; 2012. P. 185–209.
7. Duso T., Bernhardt L., Piechucka J. The evolution of theories of harm in EU merger control. *Oxford Review of Economic Policy*. 2024;40(4):729–762. DOI: 10.1093/oxrep/graе045.
8. Jakab M. Use of theories of harm in the application of article 102 TFEU. Prague: Charles University; 2019. 79 p.
9. Denicolò V., Polo M. The innovation theory of harm: an appraisal. *Antitrust Law Journal*. 2019;82(3):921–954. DOI: 10.2139/ssrn.3146731.
10. Rininger B. The ecosystem theory of harm in merger enforcement: a transatlantic comparison. *University of Cincinnati Law Review*. 2025;93(3):830–866.
11. Abate S. Antitrust and consumer enforcement in data markets—are new theories of harm based on privacy degradation hitting the mark? // 29th European Regional Conference of the International Telecommunications Society (ITS): “Towards a Digital Future: Turning Technology into Markets?”, Trento, Italy, 1st–4th August, 2018. Available from: <https://www.econstor.eu/handle/10419/184924>.

Сведения об авторах

Е. В. Алексеева — доцент кафедры предпринимательства и конкуренции;

С. Г. Биденко — аспирант;

А. И. Коваленко — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательства и конкуренции;

А. Ю. Погорелова — доцент кафедры предпринимательства и конкуренции.

Information about the authors

E. V. Alekseeva — Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition;

S. G. Bidenko — a graduate student;

A. I. Kovalenko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition;

A. Yu. Pogorelova — Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.